

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. С. А. Никольский
г. Москва, Россия

**НЕСОГЛАСИЕ.
О ДЕКОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ ДЕВЯНОСТЫХ ГОДОВ И ОТРАЖЕНИИ
ЕЕ ДУХА В ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЕ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА
И РОМАНА СЕНЧИНА**

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00278
«Мировоззрение российского земледельца в контексте задачи укрепления народного
единства»

Аннотация: Проведенная в девяностых годах XX в. насильственная деколлективизация российской деревни (при том, что в свободной форме она, вероятно, когда-то могла бы состояться) привела к разрушению жизненного уклада десятков миллионов крестьян и их семей. И хотя эта недавняя очередная отечественная трагедия еще не получила своего философско-художественного осмысления в литературе — новый «великий перелом» и предпринятые в СССР и в новой России гигантские стройки на великих реках, обе направленные против человека, вполне сопоставимы. По этой причине представленный в произведениях Валентина Распутина и Романа Сенчина анализ состоявшихся затоплений вполне применим к процессу деколлективизации. В обоих случаях — при сгоне крестьян с земли с последующим затоплением или деколлективизации как сгоне с последующим образованием частных латифундий — мы видим новую историческую репрессию. Ее понимание и осуждение — необходимое условие культурного и правового преобразования страны.

Ключевые слова: культура, история, литература, новые люди, крестьянство, земледелец, общество, общественное сознание, личность, деятельность.

Информация об авторе: Сергей Анатольевич Никольский — доктор философских наук, заведующий сектором философии культуры, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, 109240 г. Москва, Россия. E-mail: s-nickolsky@yandex.ru

Дата поступления статьи: 26.03.2018

Дата публикации: 28.12.2018

Для цитирования: Никольский С. А. Несогласие. О деколлективизации девяностых годов и отражение ее духа в философской прозе Валентина Распутина и Романа Сенчина // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50. С. 35–47.

Народ жить хотел. Но жить было нельзя.

Андрей Платонов

Знал народ, как жить, чем жить, для чего...

Роман Сенчин

Радикальные перемены общественно-экономического уклада, произошедшие в России в 90-х гг. прошлого века, привели к качественному изменению условий жизни больших социальных слоев. В первую очередь это коснулось сельской части населения страны, поскольку едва не две трети экономики было связано с освоением природных ресурсов. Реки как производители электроэнергии, полезные ископаемые (нефть, газ, лес) как основная статья экспортного дохода и, наконец, пашня и сельскохозяйственные угодья как главный источник для внутреннего потребления и, возможно, в перспективе еще одна статья экспорта.

Объявленная быстрая и радикальная замена (слом) плановой распределительной (социалистической) экономики на освобожденную от государственного вмешательства экономику рыночную (капиталистическую) по технологиям ее проведения и последствиям была адекватна проведенной более века назад отмене крепостного права с ее доминантной идеей, тяжело воспринятой основной частью крестьянства — «иди куда хошь, делай что хошь». Впрочем, даже тогда самодержавное государство не пустило все на самотек. Для земледельческих займов и расчетов были учреждены специальные банки, земледельцам выделялись целевые субсидии и кредиты, позднее государством была инициирована и поддержана переселенческая политика, в деревни на помощь крестьянам пришли кооператоры — просветители и организаторы нового хозяйственного уклада.

По-иному развернулись преобразовательные процессы в демократической России [3, с. 216–288]. В соответствии с Указом Президента «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» от 27 декабря 1991 г. и Постановлением правительства от 29 декабря того же года, совхозам и колхозам было предписано до 1 января 1993 г. провести реорганизацию, разделив имеющиеся у производителей земли сельскохозяйственного назначения на индивидуальные участки (паи), равно как и имеющиеся у них средства производства. Хозяйствам, не обладавшим финансовыми ресурсами для погашения задолженности по оплате труда и кредитам, для ликвидации долгов давался месяц. В противном случае по истечении первого квартала 1992 г. они подлежали принудительной ликвидации и реорганизации. Участие в погашении долгов могли принять работники хозяйства, равно как и сторонние физические или юридические лица. Если таковых не находилось, то имущество хозяйств подлежало распродаже, а земля — перераспределению. И поскольку хозяйств-должников была почти половина, то их ликвидация сокращалась с одного года до трех месяцев. Рассчитывать на то, что накопленные в течение десятилетий в результате непаритетных товарно-денежных расчетов с государством долги в одночасье исчезнут, не приходилось. Было ясно, что выдвинутые условия — одна из форм принудительной ликвидации хозяйств, не вписывающихся в парадигмы новой экономической политики.

Такие преобразования приводили к радикальному сокращению численности занятых в сельском хозяйстве: в течение 1990-х гг. она уменьшилась почти на 40%, а к 2003 г. — еще на 18%. То есть если к 1991 г. в колхозах и совхозах РСФСР работало более 9,6 млн человек, а в сельской местности жили 38,8 млн человек, что составляло 26,2% всего населения России [2], то к концу 1990-х гг. число занятых сократилось бо-

лее чем на 3,8 млн человек, а через четыре года — еще на 2 млн. В том числе лишились работы не менее 700 тыс. специалистов с высшим образованием. А с учетом семей и иных жителей сельской местности оказалось, что перемены — потеря работы в колхозе или совхозе — коснулись порядка 22 млн. Фактически в стране прошел процесс деколлективизации, по замыслу организаторов — обратный принудительной коллективизации, совершенной шестьдесят с лишним лет назад¹, но по факту тоже принудительной.

Более того, темпы деколлективизации 1990-х гг. не идут в сравнение с коллективизацией 1929–1937 гг. — самым насильственным актом советской власти. И хотя в сталинскую коллективизацию крестьянство сопротивлялось несравненно более активно (только за 1930 г. ГПУ Украины зафиксировало 4098 выступлений, в которых только в этой республике приняли участие 956 587 человек) разрушительные последствия деколлективизации, выразившиеся в сломанных человеческих жизнях, вряд ли были меньшими.

Как показывает опыт стран, проводивших аграрные реформы, без серьезных потерь аграрная сфера (сельское хозяйство, переработка, обеспечивающие структуры и торговля) не может эффективно реформироваться без участия государства. С другой стороны, аграрный сектор органично воспринимает только те действия государства, которые адекватны оптимальному варианту его дальнейшего развития. В этом случае аграрный комплекс постепенно дополняет государственное вмешательство самореформированием, а впоследствии и вовсе обходится без государства.

Поскольку реформы, затрагивающие основы аграрного строя, должны решать коренные проблемы, которые не исчезают сами собой в ходе естественного аграрного развития, более того, существенно меняют уклад жизни сельских жителей, они подлежат всестороннему, не только экономическому, но социальному и культурному анализу, на основе которого создается и публично апробируется идеология и программа реформ.

Реформы отличаются от постоянных модернизаций, которые происходят в нормально развивающемся аграрном секторе передовых стран и связаны с появлением новых технологий, машин, систем организации производства и т. п. Для реформы требуется публично заявленная идеология, которая должна быть сориентирована на определенные заинтересованные и достаточно массовые социальные силы и слои. Ей должны сопутствовать тщательно разработанные средства и механизмы осуществления. Для ее «запуска» необходима государственная воля, дееспособные исполнительные органы, материальная поддержка и достаточный лимит времени. Только весь комплекс этих элементов делает реформу возможной, поддержанной сельскими жителями.

То, что для всего мира, включая Россию, нормален именно такой путь, свидетельствует исторический опыт. Так, идеология и механизмы столыпинской реформы готовились и заинтересованно и критически обсуждались в кругах тогдашнего «образованного» общества без малого двадцать лет. В дальнейшем деятельность самого П. А. Столыпина как публичного политика, широко заявленные им цели и идеология реформы позволили привлечь внимание российского общества к этой области социально-экономической жизни, мобилизовать усилия многих прогрессивно настроенных людей. Столыпинская реформа органически вошла в жизнь потому, что опиралась

¹ Символично, что ельцинский указ от 27 декабря 1991 г. практически совпал с объявленной Сталиным 29 декабря 1929 г. коллективизацией и ликвидацией кулачества как класса в речи на конференции аграрников-марксистов в Коммунистической академии — будущем Институте философии (г. Москва, ул. Волхонка, д. 14).

на активную часть российского крестьянства, заинтересованную в получении больших возможностей для решения своих жизненных проблем, достижения собственных целей. Ее сила заключалась в адекватности, ясном формулировании и осуществлении в конкретных экономических, социальных и хозяйственных акциях, отвечавших интересам нарождающегося слоя капиталистически ориентированных производителей. Однако по мере того как эти факторы ослабевали, в том числе был устранен их мотор — сам Столыпин, сворачивалась и реформа.

Следует отметить, что у состоявшейся деколлективизации 1990-х гг. тоже был свой, хотя и непродолжительный период научной подготовки. В середине 1980-х гг. в связи с «перестройкой» открылись новые перспективы развития отечественного гуманитарного знания, когда историки, социологи и экономисты получили возможности не только для работы с архивными материалами, но и для изучения аграрной реальности — бывших в отечественной истории и наличных за рубежом форм сельскохозяйственной деятельности, в том числе крестьянских и фермерских хозяйств². Именно в них новые реформаторы увидели альтернативу колхозам и совхозам. Однако рассматривали они их как единственное будущее российской деревни, исключая другие формы. Тогда же были предприняты и первые философские попытки осмысления особенностей отечественной истории аграрных отношений и современной сельскохозяйственной практики³.

Возможно, главным итогом, которым завершалась исследовательская работа, должен был стать императив добровольного участия крестьянства в проводимых мероприятиях. Именно необходимость согласия, согласования потребностей, интересов и целей участников процесса, достижение единого понимания характера, темпов и способов осуществления реформ было итогом исторического опыта, рекомендацией на будущее. К сожалению, этот исторический вывод и эти рекомендации новыми реформаторами восприняты не были.

В то же время отсутствие такого согласия стала причиной, почему значительная часть крестьянства попыталась от деколлективизации уклониться: на 1 января 1994 г. из прошедших перерегистрацию 95% хозяйств, треть сохранила прежний статус колхоза.

Однако если в отношении предварительного научного осмысления процесса деколлективизации справедливо может быть выдвинут аргумент о его кратковременности и недостаточной общественной адаптации, то этого нельзя сказать о предшествующей культурной, прежде всего литературной, подготовительной работе.

В 50–90-е гг. XX в. мир российского земледельца глубоко и всесторонне осмысливался советской литературой, наследовавшей философичность классики XIX сто-

² Ведущим исследователем аграрной истории досоветского и советского крестьянства был руководитель профильного сектора Института российской истории РАН В. П. Данилов, а возрождение отечественной аграрной социологии и исследований современной сельской экономики в России и на Западе было связано с именем приехавшего для работы в Россию профессора Манчестерского университета (Великобритания) Теодора Шанина, впоследствии ректора созданной им Московской школы экономических и социальных исследований.

³ Первым значимым всесоюзным научным мероприятием на эту тему стала проходившая в Полтаве в 1986 г. философская конференция «Мировоззрение и сельскохозяйственная практика». В рамках сектора философских проблем биологии (руководитель Р. С. Карпинская), а в дальнейшем в качестве заведующего сектором философии хозяйства Института философии полтавскую конференцию, а также исследование этой проблематики в Институте инициировал автор статьи, в частности, выпустивший монографию «Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября» (М.: Агропромиздат, 1990).

летия. Тургеневские «Записки охотника» — подлинная энциклопедия мировоззрения отечественного земледельца — крестьянина и помещика, искания толстовского героя Константина Левина (роман «Анна Каренина») и князя Нехлюдова (рассказ «Утро помещика») и роман «Воскресение»), многие персонажи произведений Николая Лескова, анализ крестьянского и помещичьего мировоззрения, проделанный Антоном Чеховым, — вот лишь небольшая часть того огромного наследия, которое ожидало размышлений потомков.

После Октябрьской революции перед заинтересованным исследователем мир деревни был явлен прозой Михаила Шолохова и Андрея Платонова. А после Великой Отечественной войны внимание к крестьянству проявило себя в очерках В. В. Овечкина и Е. Я. Дороша, в рассказах А. Я. Яшина и А. В. Калинина, в публицистике Г. С. Лисичкина, Ю. Д. Черниченко и А. И. Стреляного, в художественной прозе В. И. Белова, В. Г. Распутина, Б. А. Можяева, В. П. Астафьева, Ф. А. Абрамова, В. М. Шукшина, С. П. Залыгина, Ч. Айтматова и Ф. Искандера. Авторы, критически оценивая колхозный труд и сельскую жизнь советского человека, описывали присущую им сложность и глубину.

Казалось, столь серьезное внимание к проблеме отечественного крестьянства со стороны писательской и гуманитарной интеллигенции исключит возможность нового «коренного перелома», обусловленного исключительно политической конъюнктурой. Тем не менее, наряду с прогрессистской ретивостью, новые реформаторы обнаружили культурную дикость, и потому новый «слом хребта российского крестьянства», как и новый «год великого перелома», состоялись вновь.

В современной отечественной философствующей литературе нет значимых крупных произведений, в которых бы деколлективизация рассматривалась как происходившая на наших глазах новая трагедия российского крестьянства. Однако для исследования человеческих, культурных и природных последствий этой социальной катастрофы отсутствие произведений, специально ей посвященной, оказалось не существенным. Развернувшиеся в стране накануне 1980-х и позднее, в 1990-х гг., гигантские по своим масштабам природно-социальные переустройства, в существенной степени деколлективизацию повторяли, с ее содержанием и последствиями были сопоставимы. Лишение возможности заниматься привычной деятельностью и сопутствующий этому запрету сгон с привычных мест жизни — то существо процесса, который в одном случае назван «вынужденным переселением» в связи со строительством гидроэлектростанций, а в другом — реорганизацией колхозов и совхозов.

Один и тот же дух нового «коренного перелома» воспроизведен и в трагедии затопления деревни в конце 1970-х, и в пожаре поселковых складов времен «перестройки» (повести «Прощание с Матерой» и «Пожар» Валентина Распутина). Дух этот — главное содержание пришедшегося на начало 2000-х второго затопления деревни, обнаруживающий себя в судьбе потомков выселенных и раскрестьяненных сельских жителей (романы «Зона затопления» и «Елтышевы» Романа Сенчина).

Что же открывают нам Распутин и Сенчин, что с их помощью формулируется в фундаментальной социально-философской и культурной проблеме нового всероссийского несогласия конца XX – начала XXI вв.?

Изображая то, что именуется русской душой, отечественная классика являла миру неразрывную связь человека — земледельца-крестьянина или охотника-барина — с волшебным миром природы. Тургеневские «Записки охотника» [7] открывают-

ся не только рациональным хозяином Хорем, но и «природным» человеком Калинычем (рассказ «Хорь и Калиныч»), который умеет заговаривать кровь, испуг, бешенство, «выгонять червей», ему «даются» пчелы и не привыкшие к новому хозяину лошади. Как бы растворены в благодатной природе лежащие у костра мальчишки (рассказ «Бежин луг»). И, кто знает, не улетел ли мысленно вместе с куличками один из них в страну, где зимы не бывает? Может, поэтому и не заботился чрезмерно русский мужик о своей избе, поскольку не менее, чем в четырех стенах, жил в пространстве благодатной природы? И также в ее лоне лежала до поры распутинская деревня Матера.

Тот первый мужик, — начинает повесть автор, — который триста с лишним лет назад надумал поселиться на острове, был человек зоркий и выгадливый, верно рассудивший, что лучше этой земли ему не сыскать. Остров растянулся на пять с лишним верст и не узенькой лентой, а уютном, — было где разместиться и пашне, и лесу, и болотцу с лягушкой, а с нижней стороны за мелкой кривой протокой к Матере близко подчаливал другой остров, который называли то Подмогой, то Подногой. Подмога — понятно: чего не хватало на своей земле, брали здесь [4, с. 172].

Так устроился крестьянин, что и ему от земли, реки и леса прибыток был, и тому, что его окружало, он тоже не был в тягость, но и более того — был в пользу. Землю обиходить, реку поправить, лес почистить — нигде без него не обходилось. И на эту гармонию мир щедро отзывался урожаем, зверем, грибами, ягодой, чистой водой и рыбой. Но еще больше мир одаривал человека тем, что поселял в людях душевный лад, светлые мысли, добрые чувства. И даже тогда, когда несчастье лишало человека движения, прижимало к земле, не всегда впадал он в отчаянье, предавался унынию.

Я, — говорит неподвижно лежащая в доме-шалаше Лукерья, — слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Крот под землею роется — я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветет или липа в саду — мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком оттуда потянуло. Нет, что Бога гневить? (рассказ «Живые мощи» из «Записок» Тургенева) [7, с. 330].

Но в большой стране люди живут, строя планы, перестраивая свою и чужую жизнь. Как? В этом, возможно, главный вопрос, поставленный судьбой Матеры. Ведь вот — течет жизнь:

Ночь будто остановилась и не стекала уже поперек Ангары в свою закатную сторону, а набравшись до краев, творила над Матерой слепое осторожное кружение. Слепо тыкался то с одной, то с другой стороны ветерок и, не натянувшись, засыпая на ходу, опадал и застревал в траве. Трава была влажной, пахучей, и по ней Хозяин⁴ определил, что завтра к середине дня прольется недолгий дождь.

Остров продолжал жить своей обычной и урочной жизнью: поднимались хлеба и травы, вытягивались в земле корни и отрастали на деревьях листья; пахло отцветающей черемухой и влажным зноем зелени; шепотливо клонились к воде по правому берегу кусты; вели охоту ночные зверьки и птицы.

Остров собирался жить долго [4, с. 215].

А что же люди? Десятки лет назад, в тридцатых, сгоняя «кулаков», власть заботилась лишь о том, чтобы «место расчистить». И в начале 1990-х она думала неразумных крестьян «наставить на путь истинный» все тем же исконным российским средством — насилием. И здесь, на пространстве будущего рукотворного dna реки, она

⁴ Как бы для того, чтобы живое, существующее на свете помимо человека, тоже обрело голос, автор «Прощания» вводит в повесть образ бестелесного существа — покровителя Матеры — Хозяина.

действует так, будто человека и нет вовсе. И к такому ее поведению люди, к несчастью, уже привыкли и лишь страдают:

— Утром подымусь, вспомню со сна... ой, сердце упрется, не ходит, — рассказывала старуха Настасья. — Господи!... А Егор пла-а-чет, плачет. Я ему говорю: «Ты не плачь, Егор, не надо», — а он: «Как мне не плакать, Настасья, как мне не плакать?!» Так и иду с каменным сердцем ходить, убираться. Хожу, хожу, вижу, Дарья ходит, Вера ходит, Домнида — и вроде отпустит маленько, привыкну. Думаю: а может, поужать нас только хочут, а ниче не сделают.

— Че нас без пути пужать? — спрашивала Дарья.

— А чтоб непужаных не было [4, с. 177].

То, что власть не принимает во внимание осмысленные интересы людей, не строит с ними диалог, обнаруживает ее коренное небрежение главным свойством человеческого сообщества — сообщаемостью. Сообщаемость «подразумевает сообщество людей, к которым можно обратиться, которые слушают и могут быть выслушаны» [1, с. 74–76]. Для человечества, человеческого рода, говоря словами Канта, «сообщать и высказывать свое мнение — это естественное призвание» [1, с. 74–76]. Раскрывая, «давая отчет», как, под влиянием чего у человека сложилось то или иное мнение, Распутин, а затем и Сенчин, выполняют собственно философскую, понятую в духе Сократа работу — объяснение любого мнения, извлечение из него скрытых или до поры невидимых последствий.

В ситуации переселения под угрозой затопления «безмолвные» до поры люди все же обнаруживают предел, дальше которого они отступить не могут. Этот последний предел — память о предках, их смерть и недалекая смерть собственная. Одно из центральных событий повести — попытка исполнения отданного властями приказа провести упреждающую переселение «очистку» кладбища — сжечь кресты и надгробные пирамидки, дабы не всплыли на поверхность после затопления, не мешали плыть пароходам, не печалили туристов. С целью санитарной обработки ложа водохранилища на остров прибыла бригада и, не сказавшись жителям, принялась за работу. Узнав об этом, старики, женщины и детишки бросились могилы защищать.

— Вы знаете, на этом месте разольется море, пойдут большие пароходы, поедут люди... Туристы и интуристы поедут. А тут плавают ваши кресты. Их вымоет и понесет, они же под водой не будут, как положено, на могилах стоять. Приходится думать и об этом...

— А о нас вы подумали? — закричала Вера Носарева. — Мы живые люди, мы пока здесь живем. Вы загодя о туристах думаете, а я счас мамину фотокарточку на земле после этих твоих боровов подобрала. Это как? Где я теперь ее могилку стану искать, кто мне покажет? Пароходы поплывут... это когда твои пароходы поплывут, а мне как теперь здесь находиться? Я на ваших туристов... — Вера задыхнулась. — Покуда я здесь живу, подо мной земля, и не нахальте на ней. Можно было эту очистку под конец сделать, чтоб нам не видать... [4, с. 187].

Но, может, это нечаянный и единственный просчет власти? Ведь для «утопленников», как прозвали переселяемых жители других, незатопляемых деревень, построили новый поселок, и всем дают «равноценные» городские квартиры. Но не предусмотрена поселком бывшая у людей прежде природная и рукотворная гармония, когда «даже и смерть среди своих виделась собственными глазами ясно и просто — как оплачут, куда отнесут, с кем рядом положат» [4, с. 209]. Все подчинено одному: ГЭС уже успели «отгрохать», и затопление вот-вот начнется. Что великой хозяйственной целесообразности противопоставить?

Распутин такие слова находит: «В старину как говаривали... Мать, ежели она одного ребенка холит, а другого неволит, — худая мать» [4, с. 258]. Но разве власть эти слова слышит? Ведь и ученые эксперты⁵, немало знающие о жизни и судьбе отечественной деревни, смогли составить для решительного правителя Б. Ельцина «умный» указ о тотальной спешной деколлективизации, враз, не хуже ГЭС, смывшей с обихоженной земли десятки миллионов для нового уклада не подходящих.

И вот итог водных и земельных выселений — согнанные со своих мест люди в минуту большого несчастья. И среди тех, кто тушит пожар (одноименная повесть В. Распутина), не только бывшие жители затопленных деревень, но и в немалой степени прочие, сделавшиеся вахтовиками, бродячими бригадами, всякого иного рода хозяйственным «перекати-полем». А пожар случился там, куда расселили и исчезнувшую с лица земли Матеру: «Неуютный и неопрятный, и не городского и не деревенского, а бивуачного типа был этот поселок, словно кочевали с места на место, остановились переждать непогоду и отдохнуть, да так и застряли. Но застряли в ожидании когда же последует команда двигаться дальше, и потому — не пуская глубоко корни, не охорашиваясь и не обустриваясь с прицелом на детей и внуков, а лишь бы лето перелетовать, а потом и зиму перезимовать» [4, с. 364].

Как протекала жизнь в поселке? Похоже на то, как ежегодно устраивались и гибли под колесами тракторов и лесовозов уличные тротуары, на остатки которых грязь намешивалась «до черно сметанной пены, которая тяжелыми волнами расходилась на стороны и волнами потом засыхала, превращаясь в каменные гряды, а для стариков — в неодолимые горы» [4, с. 364]. Но это — одна из внешних сторон неустроенной жизни. Главное было то, что люди перестали быть хлеборобами, когда «сколько ни живи, все будет для хлеборобного дела мало».

Лесозаготовка прежнего усердия не предусматривала: вали до плана и сверх того. Но такая работа не требовала и прежнего универсального работника. И они, кто оказавшись не у дел, а кто не вынеся новых условий хозяйствования, стали уезжать. А «взамен уехавших и унесенных принялись селиться люди легкие, не обзаводящиеся ни хозяйством, ни даже огородишком, знающие одну дорогу — в магазин, и чтоб поесть, и чтоб время от работы до работы скоротать. Сначала от работы до работы, а затем и работу прихватывая, заслоняя ее магазином, и чем дальше, тем больше, тем слаще и неудержимей. Работа этого, понятно, не любит — и нелады с ней, с работой, и уж общины другого толка, которых раньше не было и в помине. Водились, конечно, пьянчуги, где они на святой Руси не водились, но чтоб сбиваться в круг, разрастаться в нем в открытую, ничего не боящуюся и не стыдящуюся силу с атаманом и советом, правящим власть, такого нет, не бывало» [4, с. 378]. Жили эти сезонники и шабашники свои дни так, что лишь бы дню быть прожитому. «Такой ни себе помощи не принимает, ни другому ее не подаст, процедуру жизни он исполняет в укороте, не имея ни семьи, ни друзей, ни привязанностей, и с тягостью, точно бы отбывая жизнь как наказание» [4, с. 379].

Но это было плановое, затеянное государством раскрестьянивание — переселение. Оно дало первый толчок, вытеснило старые, ориентированные на сносное челове-

⁵ Не место в тексте с размышлениями называть имена конкретных деятелей от науки, обосновавших правомочность социального потопа. Скажу только, что знали они, что творили. А гарантией их профессиональной компетенции были докторские степени и академические звания. Что же до компетентности моральной и человеческой, то ответ на этот вопрос уже дает время.

ческое общежитие социальные образы-привычки, а взамен создало и закрепило новые, человекоразрушительные, людей друг от друга отъединяющие, сеющие несогласие и вражду, внесло в сознание и в народную память нечто, прежде в ней невозможное, не-бывшее. «Четыре опорки у человека в жизни: дом с семьей, работа, люди, с кем вместе правишь праздники и будни, и земля, на которой стоит твой дом. И все четыре одна важней другой. Захромает какая — весь свет внаклон» [4, с. 406].

«Зона затопления» Романа Сенчина — не только продолжение утопления деревни, подобной Матере, но и свидетельство новых, начала XXI в. порядков. Начинается роман телефонным разговором некоего олигарха с одним из руководителей страны. Предмет — продолжение строительства недостроенной при советской власти ГЭС с целью экспорта электроэнергии. В общем, между собой договорились, интересы обозначили, участников наметили, достигли, как говорят, политического соглашения. А дальше — поручения исполнителям, которые ни в коем случае не могут рассматривать проблему по существу и, если требуется, поставить начальственное решение под сомнение. А могут лишь конкретизировать и прорабатывать детали.

Своего рода общим местом стало сегодня представление о том, что власть обладает (не может не обладать) тем, что именуется «широтой мышления». В самом деле, речь ведь идет о долгосрочных планах, громадных пространствах, человеческих массах, гигантских ресурсах. Однако, кроме этого сугубо количественно-географического толкования понятия, у него есть и иной смысл. Опять же, у Канта мы находим мысль о «расширении» как способности понимания мыслей другого. «Широта мышления», толкует Хана Аренд, достигается тем, что «мы в своем суждении считаемся не столько с действительными, сколько лишь с возможными суждениями других и ставим себя на место каждого другого» [1, с. 78].

И, продолжая сравнение с «утопленниками» советского времени, выселяемые теперь, в начале 10-х гг. XXI в., уже не только крестьяне, но и новые частные предприниматели, те, кто подобно первым фермерам 1980-х–1990-х, сумел подняться, достичь результатов, позволяющих жить, не ожидая подачек от государства. Но что их интересы и личные судьбы против высших властных договоренностей, к каким законам и группам гражданского общества они могут апеллировать, с кем объединиться и вместе встать на защиту? «В этой разобщенности людей, — находим у Сенчина, — корень многих проблем и несчастий. Вот если бы где нибудь в по настоящему цивилизованном обществе решили строить подобную электростанцию с затоплением тысяч квадратных километров земли, с переселением тысяч людей, наверняка бы эти люди объединились и все сообща потребовали такой компенсации, что каждый бы стал миллионером, способным приобрести дом с большим участком или просторную квартиру. А может быть, компания отказалась бы от идеи строительства здесь, стала бы искать необитаемые поймы рек.

А так — каждый поодиночке стремится выцарапать условия получше, но в итоге все чувствуют себя обделенными, обиженными, обманутыми. Даже те, кому удалось отхватить две–три квартиры вместо одной, тоже жалуются — вырази радость, и подозрения начнутся, обсуждения за глаза. Хотя, не исключено, и искренне жалуются: родину никакими квартирами не заменишь» [6, с. 64–65].

Одна из историй внутри романа — судьба работающей семьи, которая уже после переселения сумела поставить свое небольшое деревообрабатывающее производство. Эта лесопилка, а по существу — маленький завод, с конца 1990-х была единственным в селе предприятием. И когда встал вопрос о переселении семьи, выделять землю под

заводик или уплатить за него компенсацию власть отказалась: не предусмотрена в расходах такая статья. Семья упорно сопротивляется, но против нее объединяются все: милиция, дирекция по затоплению, судебные приставы, администрация района. В рвении выполнить распоряжение, а то и просто коммерческий заказ, не брезгают чиновники и помощью уголовников. Предприятию обрубают хозяйственные и торговые связи, отключают от электричества и, в конце концов, заводик сжигают, а хозяина избивают до полусмерти.

Ожидать, что заступится власть, что пострадавшим выплатят компенсацию за сгоревшее, что милиция найдет нанятых бандитов? Но ведь все это устроила сама власть, направившая все силы против посмевшегося отстаивать свои права человека. Это — реальность, переданная художником в образной форме. И ведь точно так же поступали местные аграрные реформаторы со строптивыми фермерами, упрямыми новыми хозяевами предприятий переработки, не пожелавших «договариваться» с чиновниками, проводившими «реформы». Почему такое стало возможно — предмет другого исследования. Здесь — лишь констатация процессов, запущенных в начале 1990-х и за прошедшие без малого тридцать лет создавших «нового человека». Каков он — об этом семейный эпос романа Сенчина «Елтышевы».

Роман-трагедия являет свою природу по-разному. Вначале — трагедия скрыта внутри, в повседневной обыденности, в том, что все происходит «как у людей», и только затем разворачивается в трагедию настоящую, зримую. О происхождении главы семейства Николае Михайловиче автор не сообщает. Родился ли он в деревне, в небольшом поселке или в городе, мы не знаем, да это и не важно. Важен его духовный мир, миросозерцание, густо замешанное на приспособительно-потребительском отношении к миру. Он, как и его жена (а она родом из деревни, перенесшей «реформы» девяностых), живут «как все», делая, что от них требует непритязательная мораль, профессия, живут, как и на все согласные и всему покорные коллеги-сограждане. У них нет собственных, не совпадающих с серыми буднями мыслей, интересов, желаний, привязанностей. «Пропустив» крутые повороты, которые предлагала жизнь, милиционер Елтышев нашел «теплое» и по-своему доходное место приемщика в вытрезвителе. Обирав попадавших в заведение алкашей и случайных выпивох, он до времени не терял надежд кого-либо обогнать по-крупному. Но ему не везло.

То, что этот «простой» человек, способен легко перестать быть человеком, показал случай. По его вполне «обычному» в милицейских кругах и тут же в точности исполненному сержантами приказу в тесную камеру с буянившей молодежью был пущен отравляющий газ, вызвавший у нескольких задержанных отек легких. Скрыть происшествие не удалось — среди пострадавших оказался журналист — и капитана Елтышева отправляют на пенсию, а заодно ему приходится съехать с ведомственной квартиры. Вместе с женой и тридцатилетним сыном-бездельником он переезжает в деревню к дальней родственнице жены. Второй сын сидит в колонии за непредумышленное убийство в драке.

Описываемая Сенчиным деревня — если и не сселенная после затоплений, то наверняка пореформенная, деколлективизированная. Она населена людьми, которые хотя и знают друг друга, но не имеют между собой не только никакой близости и доверия, но и взаимопонимания. Все находятся в состоянии «временного мира», какой бывает после (или перед) гражданской войны. Неискренность, воровство и обман — норма бытия. Тотальная скрытая, а иногда и открытая неприязнь — повседневность.

Елтышевы приспособляются и скоро не только пассивно терпят, но и начинают вести себя так же, поддерживая благосостояние торговлей спиртом. Приютившая их старуха — лишняя в своем, а теперь и их общем маленьком доме — неизвестно по какой причине погибает зимой в погребке пустующего строения. Обманувшего Елтышевых соседа пенсионер-милиционер убивает в тайге, что тоже, как и со старухой, — ведь не пойман — сходит ему с рук. Оскорбившего его бездельника сына он толкает с крыльца — и тот умирает, ударившись затылком о железный угол печки. И, наконец, вернувшийся из заключения второй сын — единственная надежда семейства — в первый же вечер в деревне получает смертельный удар заточкой в грудь.

«Катилась жизнь под откос стремительно и неостановимо. И лишь огрубение души, какой-то, пусть слабенький, но панцирь на ней не давал совсем отчаяться, свалиться и умереть. Да, может, и хорошо бы вот так умереть, как древние греки или былинные русские богатыри, но не получалось. Приходилось мучиться дальше и дальше, и неизвестно зачем» [5, с. 89]. Этот вывод-рефрен постоянно сквозит в романе.

Впрочем, после смерти второго сына Николай Михайлович мучился недолго. Доживать страшную жизнь осталась его жена. «Неужели нет ничего хорошего?» — пыталась мысленно возмутиться Валентина Викторовна, перебирала в памяти произошедшее за последние годы и ничего хорошего не находила. Лишь далеко позади посвечивали, но не события, а ощущения от чего-то, что вспомнить никак не удавалось» [5, с. 89].

Вся рассказанная автором история, конечно же, могла бы быть истолкована как индивидуальный трагический случай. Но Сенчин не повествователь конкретностей. За описанными событиями широкие полотна современной российской действительности, начало которой (а в каком-то отношении и продолжение) пошло от утопленных деревень и от их продолжения — насильственной деколлективизации. До них, полагает Сенчин, «знал народ, как жить, чем жить, для чего...» [6, с. 53]. Эти слова, взятые в качестве одного из эпиграфов к статье, — констатация недавнего состояния и одновременно эпитафия на общей могиле сотен российских деревень, миллионов умерших, равно как и еще доживающих свой век российских крестьян.

Трагичны последние слова романа: «Помочь было некому». О ком это? О Валентине Викторовне Елтышевой, о российском крестьянстве? Обо всем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аренд Х.* Лекции по политической философии Канта. СПб.: Наука, 2012. 303 с.
- 2 *Гражданкин А. И. и др.* Белая книга России: Строительство, перестройка и реформы: 1950–2012 гг. Раздел 5. URL: http://riskprom.ru/WhitePaperRus/2014/razdel5-selkhoz_belaja-1950_2013.pdf (дата обращения: 23.03.2018).
- 3 *Никольский С. А.* Аграрный курс России. Мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах. М.: КолосС, 2003. 376 с.
- 4 *Распутин В.* Собр. соч.: в 3 т. М.: Молодая гвардия, Вече-АСТ, 1994. Т. 2. 414 с.
- 5 *Сенчин Р.* Елтышевы. М.: Эксмо, 2009. 320 с.
- 6 *Сенчин Р.* Зона затопления. М.: Аст, 2015. 381 с.
- 7 *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1979. Т. 3. 526 с.

© 2018. Sergey A. Nikolsky
Moscow, Russia

**DISAGREEMENT.
ON DE-COLLECTIVIZATION OF THE NINETIES AND ITS REFLECTION
IN THE PHILOSOPHICAL PROSE OF VALENTIN RASPUTIN AND ROMAN
SENCIN**

Acknowledgements: The study was performed with a financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) (project No. 18-011-00278 “Worldview of the Russian farmer in the context of strengthening national unity”).

Abstract: Forced de-collectivization of the Russian village (albeit possible in free format in a longer term) held in the nineties of the 20th century, led to the destruction of the livelihood of tens of millions of peasants and their families. Although this recent domestic tragedy has not yet received its philosophical and artistic interpretation in the literature — new “great crisis” and gigantic constructions made in the USSR and new Russia on great rivers, both antihumanistic, are subject to comparison. For this reason, analysis of flooding displayed in the works of Valentin Rasputin and Roman Senchin is quite applicable to the process of de-collectivization. In both cases — the eviction of peasants from the land with subsequent flooding or de-collectivization as eviction with subsequent formation of private estates — we see a new historical repression. The paper stresses that its understanding and condemnation is a necessary condition for cultural and legal transformation of the country.

Keywords: culture, history, literature, new people, peasants, farmers, society, social consciousness, personality, activity

Information about author: Sergey A. Nikolsky — DSc in Philosophy, Head of Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., 109240 Moscow, Russia. E-mail: s-nickolsky@yandex.ru

Received: March 26, 2018

Date of publication: December 28, 2018

For citation: Nikolsky S. A. Disagreeement. On the de-collectivization of the nineties and its reflection in the philosophical prose of Valentin Rasputin And Roman Senchin. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 50, pp. 35–47. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Arendt H. *Lekcii po politicheskoi filosofii Kanta* [Lectures on Kant's political philosophy]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2012. 303 p. (In Russian)
- 2 Grazhdankin A. I., etc. *Belaja kniga Rossii: Stroitel'stvo, perestrojka i reformy: 1950–2012 gg.* [White paper of Russia: Building, restructuring and reform: 1950–2012]. Section 5. Available at: http://riskprom.ru/WhitePaperRus/2014/razdel5-selkhoz_belaja-1950_2013.pdf (accessed 23 March 2018). (In Russian)
- 3 Nikolsky S. A. *Agrarnyj kurs Rossii. Mirovozzrenie reformatorov i praktika agrarnyh reform v social'no-istoricheskom, jekonomicheskom i filosofskom kontekstah* [Agrarian policy of Russia. Worldview of reformers and practice of agrarian reforms in socio-

- historical, economic and philosophical contexts]. Moscow, KolosS Publ., 2003. 376 p. (In Russian)
- 4 Rasputin V. *Sobranie sochinenij: v 3 t.* [Works: in 3 vols.] Moscow, Molodaja gvardija, Veche-AST Publ., 1994. Vol. 2. 414 p. (In Russian)
- 5 Senchin R. *Eltyshevy* [The Eltyshevs]. Moscow, Jeksmo Publ., 2009. 320 p. (In Russian)
- 6 Senchin R. *Zona zatopenija* [Flooded area]. Moscow, AST Publ., 2015. 381 p. (In Russian)
- 7 Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1979. Vol. 3. 526 p.